

ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

УДК 82.6
УДК 82.94

Н. В. Аксёнова

ОБРАЗ АНГЛИИ В НЕХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ Е. И. ЗАМЯТИНА

Рассматривается образ Англии и отношение к англичанам, сформировавшиеся у Е. Замятина во время его пребывания в Англии в 1916–1917 гг. Материалом для исследования послужили письма, записные книжки (блокноты), автобиографии и статьи писателя.

Ключевые слова: Е. Замятин, образ Англии, автобиография, публицистика.

С 1916 по 1917 г. Е. Замятин жил и работал в Англии. Первые впечатления писателя об Англии были почти негативными¹. В письмах Замятина к невесте Л. Н. Усовой, обнажающих сложный этап их личных взаимоотношений, воссоздается и его первое, непосредственное восприятие Англии и англичан. По прибытии в Англию Замятин писал Л. Н. Усовой: «В Нью-Кастле встретил меня русский инженер, с его помощью я все мытарства прошел очень удобно. Но сам Нью-Кастль – какой противный. Все улицы, все жилые дома – одинаковые, понимаете – совершенно одинаковые, как амбары хлебные в Питере возле Александровской лавры. Когда мы ехали мимо, я спросил: Это у вас что за склады? – Это жилые дома... На другой день оказалось возможным уехать в Лондон; езды часов 6. И мимо мелькают те же амбарные города, одинаковые, стриженные под нулевой номер. Ужас, какое отсутствие воображения» [1, с. 196]. Сравнение английских домов, «стриженных под нулевой номер», с петербургскими амбарами создает образ массы – людей, лишенных индивидуальности, как зерно. Вся Англия в представлении Замятина состоит из однообразных построек-конструкций. Из однотипных городов образуется унифицированное государство, облик которого он позже воссоздаст в романе «Мы» (1921). Пока же начинающий писатель встречается с русскими литераторами, проживающими в Лондоне: «...В путешествии познакомился с одним русским журналистом, к<оторы>й сейчас тоже в Лондоне. Этот тип познакомил меня с зятем Гржебина, вчера был там в гостях. Была Зинаида Венгерова и еще кое-кто

из русской колонии. Было совсем по-русски. Венгерова дала много рекомендаций в Глазго...» [2, с. 196]. Зинаида Венгерова в начале 1920-х гг. будет переводить произведения Г. Уэллса под редакцией Е. Замятина [3, с. 14–15].

В письме от 17 апреля 1916 г. Замятин объясняет свою скуку однообразием английского города: «В Нью-Кастле – неделю. Такие у меня все плохие настроения, что руки ни на что не поднимаются. Не занимаюсь ни английским, ни литературой своей. В Нью-Кастле, по-видимому, придется остаться на все время. Город большой, но скучный непроходим. Мало мне симпатичная русская публика, глупейшие театры – нечто вроде живого кинематографа, добродетельная английская публика... Тоска» [2, с. 198]. Как поклонник Чехова, Замятин невольно подмечает несходство национальных театральных традиций. В российском театральном искусстве реализм начался утверждаться ранее, чем где-либо в Европе, и глубже проник в театральные формы. Русский театр практически не знал романтизма. Поэтому Замятин воспринимает английскую (романтическую в своей основе) театральную школу актерского мастерства в контексте знакомого ему кинематографа².

Постепенно Замятин знакомится с английскими порядками и иронично комментирует их нарушения. В письме к Людмиле Николаевне от 28 апреля 1916 г. он пишет: «Занимаюсь с учителем (итальянцем, sic!) по-английски; вероятно, болтаю уже терпимо, но понимаю иной раз – с трудом... Вчера обедал в гостях... Компания была очень русская (с русским консулом включительно), домой попал только в четвертом часу, то-то, небось, англичанка

¹ Немецкий исследователь творчества Замятина Р. Гольдт объясняет это личными причинами, психологическим состоянием писателя: «32-летний Замятин с большим трудом вживается в свое новое окружение, не находит себе места. Личные расстройства и тяжелые припадки депрессии, которой Замятин страдает уже годами, омрачают образ Англии в очень субъективной форме. Но культурный шок идет дальше личных переживаний, имеет и объективную основу» [1, с. 325].

² Кинематограф в то время был еще немой, и поэтому перед актерами кино стояла задача максимально передать эмоциональность без использования речи. Реализм в театре только начал проникать из России благодаря успеху Чехова (и связанного с ним метода С. Станиславского) прежде всего и общему интересу к русской культуре, вызванному деятельностью С. П. Дягилева, а после революции и многочисленных эмигрантов из России.

ужасалась!» [2, с. 200]. По английским обычаям в гостях не принято засиживаться допоздна, настоящие англичане из гостей возвращаются вовремя, чтобы обедать дома. Если же приглашение получено на обед, то позволительно вернуться домой не позднее десяти часов вечера [4].

В письме от 14 мая он признается, что «к английскому образу жизни, т. е. к раннему вставанию», он не привыкнет никогда: «...Встаю в 10½, в 11, а то и позже! Моя англичанка (прислуга) сперва пугалась: не умер ли? – а теперь уж привыкла. Готовит она (англичанка) прилично, но грязнуля порядочная» [2, с. 201–202]. Пожив в Англии к тому моменту три месяца, Замятин начал, хотя и неосознанно, привыкать к английским обычаям и вести себя как обычный англичанин. В том же письме он, совсем как англичанин, начинает разговор о погоде, чтобы перейти позже к более важным вещам: «Великолепная погода, жарко. Под боком – недурной парк, с водопадом, с оврагом». Это письмо, как и многие последующие, к примеру от 30 мая (в котором первые строчки начинаются с описания погоды («погода ужасная: холод осенний, ветер воеет»), от 27 июля («Погода все время – очаровательная. Вчера была ночь – теплая и тихая на диво... Красивая ночь... Невероятно острая, такая особенная») – напоминают английские разговоры о погоде – форму светской беседы³. Затем он пишет и о работе: «Работы (на заводах) у меня довольно много. Или, вернее, не столько работы, сколько путешествия: приходится ездить более или менее часто на 4 завода (минут 40–50 в один конец на каждый завод и пореже на 2 других» [2, с. 201].

О своем пребывании в Глазго Замятин упоминает в письме от 4 июня: «Три дня пробыл в Глазго. Хороший город, не сравнить с Нью-Кастлем, жаль, что не в Глазго суждено мне жить. Вернулся из хорошего города – с жесточайшим насморком: *right english*» [2, с. 206]. Архитектура городов Нью-Кастля и Глазго существенно различается. В Глазго – это викторианская архитектура XIX в. и архитектура классицизма, выполненная Александром Томсоном, и «стиль Глазго» – стиль, развитый Чарльзом Макинтошем⁴. Самые крупные сооружения города выполнены из красного и белого песчаника. Классика оказалась ближе начинающему писателю, чем разностильность Нью-Кастля, сохранившего памятники XIV в. [7].

³ Англичане обычно начинают разговор с замечаний о погоде в качестве приветствия и могут говорить о ней достаточно долго, заполняя паузы во время беседы. Потому-то многие иностранцы и даже сами англичане делают вывод, что эта нация одержима темой погоды [5].

⁴ Чарльз Ренни Макинтош разработал свой собственный стиль: контраст между прямыми углами и цветочными декоративными мотивами с нежными изгибами, к примеру мотив макинтошеской розы наряду с отсылками к традиционной шотландской архитектуре [6].

Из письма от 8 июня 1916 г. становится понятно, что Замятин переезжает из квартиры в дом: «Дела на заводах много; устаю. Обедаю дома. Прислуга – явственно приворовывает и не все хорошо готовит, к тому же глуха, но менять мне ее некогда. Квартира на английский лад: внизу столовая и гостиная, кухня; во втором этаже – кабинетик и спальня, ванна; в третьем – комната для прислуги, кладовая, – вот и весь дом. Но только холодно в комнатах, пусто и скучно» [2, с. 208]. Замятин следует английской традиции: обедает дома и держит прислугу, так как даже самые бедные семьи нанимали *step girl*, девушку, в обязанности которой входило субботним утром чистить ступеньки и подметать крыльцо. Несмотря на ироничное отношение Замятина к зависимости англичан от традиций и правил, его собственное жилище в Англии вполне соответствовало английскому образу дома.

Помимо писем к Л. Н. Усовой, образ Англии возникает и в письмах Е. Замятина к другим корреспондентам. В письме своему другу Я. П. Гребенщикову от 28 августа 1916 г. Замятин, жалуясь на одиночество, пишет: «...из-за непоседливости своей, нет, чтобы в Питере сидеть на Широкой улице – понесла меня буревая в тридцатое царство, и нет тебе тут никакого утешения. Опять же и словесную похоть удовлетворить не с кем. Очень это скушно, когда на людей красноречие не действует» [8, с. 256]. Для иронического описания рационализма англичан Замятин использует язык своих сказок: «А что касаясь девушек здешних – так про них худого слова не скажешь, кроме хорошего. Волосы у них повсюду светлые. Личность – приятная, и где надо – сдобы пущено, и вообще – все в порядке. А обычаи тут у девушек хорошие. Мужей себе выбирают, не торопясь, семь раз примерив – по русской пословице. И все на доброе здоровье, дал бы Бог» [8, с. 257]. Прагматичная предсказуемость английских красавиц, выполняющих мудрые заветы русских пословиц (в отличие от эмоциональных русских, живущих душой), вполне соответствует их одинаковым домам и порождает в сознании писателя образ надувной куклы, которую он обещает привезти своему другу: «дорожную жену – очень удобно, можно возить и в кармане, и портфеле, а при пользовании надувается, как подушка, и цена вся – 14 шиллингов» [8, с. 258]. Образ «надувной возлюбленной», не требующей душевных затрат, является прообразом расписания часов любви викария Дьюли из повести «Островитяне». Замятин высмеивает педантичность англичан, любовь к строгому порядку и скрупулезному планированию жизни.

В письме к своему другу и издателю В. С. Миролюбову от 20 декабря 1916 г. Замятин также писал о «духовном голоде» в механизированной

Англии: «Обрыдла мне заграница за этот год вот как – просто мочи моей нет. В январе – феврале, думаю, вырвусь отсюда и домой вернусь, хоть мясопустную жизнь вести – да зато русскую. Изголодался я тут в Англии: мяса – сколько хочешь, а людей – мало. И все машины, уголь, копоть и грохот. Поехали, помню, в Лондон в первый раз, глядь – поля зеленые, и на зеленом – овцы. Что за чудо, думаешь: неужто у них тут хлеб не на фабрике как-нибудь делают, неужто в поле, как и у нас, растет? И все тут крутится и вертится, и всяк у колеса стоит, от колеса – ни на шаг. Так вот и я, в колесах с утра до ночи, весь год провертелся» [1, с. 432]. Из письма следует, что привыкание к английскому быту и англичанам было сложным процессом для писателя. Англия представляла страной всеобщего однообразия, давления разума над чувствами, отсутствия духовности, совершенно лишенной органики. Как отмечает немецкий исследователь, «уехав из России, из своего „уездного“, он очутился в английском „уездном“» [1, с. 434]. В Англии Замятина преследовало ощущение пребывания «на куличках». Ему казалось, что это, по большей части, из-за «нежелания окружающих его людей быть заинтересованными в чем-то более глобальном, чем практические повседневные дела, их неспособности выйти за границы своего опыта, познания чужих ценностей и отсутствия желания научиться говорить на чужом, иностранном языке» [9, с. 202].

Однако в «Записных книжках» писателя и в записях «Из блокнота. 1931–1936» образ Англии становится более многомерным и объемным, чем в письмах – непосредственном отклике на происходящее. Постепенно писатель за английским порядком начинает видеть уникальность английской традиции: «Удивительно, что хлеб здесь растет в поле, а не делается на станках... Все наоборот: свист в театре, свой шар в лузу, левая езда на улицах, чистые пороги и дверные ручки» [9, с. 201]. Склонность англичан к порядку совсем не противоречит свободному волеизъявлению («свисту в театре»). Иронизируя по поводу постановки в Лондонском театре «Вишневого сада» («все в шубах»), Замятин, как писатель, нуждающийся в свободе творчества, подчеркивает отсутствие государственной цензуры в Англии и одновременно важность цензуры зрительской – общественного мнения: «Здесь, в Stage Theater – имеют право ставить всякие пьесы без цензуры. Театр закрытый, здесь, например, идут „Огни Ивановой ночи“, „Саломея“ Уайльда... А вообще – всякий английский гражданин имеет право подать жалобу в суд на любую пьесу или любое произведение, если находит его не согласным с моралью. Так ведь было с Уайльдом» [9, с. 201]. Профессиональная наблюдательность Замятина проявилась и во внимании к английской печати:

«700 акров канадских лесов вырубает еженедельно, чтобы можно было выпустить воскресный номер лондонской газеты в 3–4 млн экземпляров... Специальные поезда для развозки выпусков таких газет, как „Times“, „Daily Mail“...» [9, с. 201].

Однако позднее в неоконченном отрывке «На острове» он с горечью констатирует осторожность англичан в оценке российских событий: «Тут, на острове, среди чужих Пятниц, встретил я дни Февральской революции. Русские газеты получались через месяц. Письма не доходили. Английские газеты о внутренних делах своих доблестных союзников вежливо молчали. Никогда ни одного нескромного слова, одни сухие телеграммы: назначен Трепов, убит „таинственный монах“ Распутин...» [9, с. 201]. Равнодушие англичан к судьбам мира и России, как и других продолжающих воевать стран, иронически обыгрывается Замятиным в описании львов у подножия памятника Нельсону на Трафальгарской площади: «Львы в Трафальгарском сквере на памятнике: сытые, хорошо пообедавшие и переваривающие этот обед. Львиный – только костюм. Это и есть *британский потешный лев*: „Don't disturb my digestion“ („Не мешайте мне переваривать“). Вот секрет британского пацифизма» [9, с. 201]. «Сытому британскому льву» по большому счету нет дела до мировых проблем. «Островной» менталитет англичан получает осмысление в отрывке «На острове» («Записные книжки»), в котором Замятин изображает себя и других иностранцев в Англии как персонажей известного романа Д. Дефо: «Чувствовалось именно так: на острове, отрезаны как Робинзоны. Кругом – серое Северное море, полное стальных акул. Кругом – чужие, чудные Пятницы. Пятницы слышат знакомые английские слова, но понимают их только внешне – так же как вчера в мюзик-холле слушали дрессированного тюленя. Тюлень говорил человеческие слова, дивились: „Говорит, а? Ну, сделай одолжение...“ Но за словами, конечно, не слышали души тюленей. Мы для них – для рядовых англичан, только чудо природы: говорящие тюлени» [9, с. 202]. О. Казнина объясняет это недопонимание Замятина его кругом общения: «В этих фрагментах Замятин подчеркнута говорит о „рядовых англичанах“, не об интеллектуалах, не об элите. С английской литературной элитой ему общаться, по всей видимости, не пришлось. И это было для него горьким опытом: пребывание в Англии в качестве иностранного инженера ничего не давало для расширения его писательских связей, для знакомства с новым читателем, для роста известности. <...> Не удивительно, что обстоятельства жизни и настроения писателя сказались на тональности его повести об англичанах, которую он начал писать в Ньюкасле. Повесть стала своего рода мстью

англичанам за то чувство одиночества и отверженности, которое писатель испытал в Англии» [9, с. 203]. Позволим себе не согласиться с мнением уважаемого исследователя и предположить, что, несмотря на человеческое одиночество Замятина в Англии, напомиающее ему былые ссылки, именно опыт общения с английской провинцией и английскими обывателями окончательно повлиял на формирование его представлений о современной цивилизации, как не знающей границ «всемирной пошлости», обществе потребления, озабоченном только материальными удобствами. Это подтверждает описание местных нравов английской провинции под заголовком «Англия» в «Записных книжках»: «Закон: сечь альфонсов. И секут. Нравственность и пять шиллингов в неделю на ребенка по новому закону. В Newcastle нет докторов венерологов, нет в больницах венерических отделений. „Таких болезней у нас не должно быть, и мы считаем – их нет“». <...> Профессия содержателя публичных домов – очень почтенна. Они для получения разрешения подвергаются очень строгой анкете: о их прошлом, о их нравственности (!), нет ли и не было ли судимости. Есть один из сенаторов (депутат провинции), содержащий публичный дом» [9, с. 200, 202]. Замятин очень чуток к лицемерию и утилитарному отношению к духовным ценностям, к религии, что нашло свое отражение как в записных книжках, так и в его «английских» повестях, а позднее и в романе «Мы».

«Записные книжки» Замятина свидетельствуют о том, что писатель воспринимал Великобританию неоднозначно: унификация промышленных английских городов не могла стать препятствием для познания ее культуры. Впечатления о столице Шотландии как сказочной стране под рубрикой «Эдинбург» как раз и объясняют, почему Англия для писателя останется особой страной: «Шпили и башни в тумане, все далекое – не то воспоминание, не то сказка. Замок на утесе посреди города. Солнце как-то всегда за утесом садится, и замок на фоне ярко-оранжевого неба угольно-черный, резкие чернятся углы и ступеньки, и зубцы на ярком небе. <...> Узкие улочки – панорамы восточные. Надписи: „Little Jack Close“, „Big Jack Close“. Старые дома, лестнички вверх. „Шотландские мальчишки – гиды, однотонно сообщающие о казни Марии Стюарт и прочих вещах. <...> Прекрасная тюрьма. Красота“» [10, с. 200]. О. Казнина писала, что он позднее вспомнит Эдинбург, когда будет в Праге: «Похоже на Эдинбург. – Неровно, беспорядочно, весело» [9, с. 200]. Замятин нашел в Шотландии красоту древней культуры и почувствовал радушие англичан, внимательных к своей истории.

Итак, в письмах и записных книжках Замятина отразились его непосредственные впечатления от

Англии. Замятинская Англия, изображенная изнутри, двойится: она предстает и машинизированным индустриальным городом XX в., впитавшим косность «куличек», и прекрасной шотландской сказкой, неким Иерусалимом, или Островом, отграниченным от современной Европы.

Эти первые впечатления об Англии будут осознаны и переосмыслены в автобиографиях писателя, написанных уже после возвращения в Россию и явившихся еще одним источником образа Англии в творческом наследии Замятина. В первых трех Замятин делит свою жизнь в Англии на две части: инженерную и писательскую. Как инженер-кораблестроитель он пишет о своем детище – ледоколе «Алекса́ндре Невском», упоминает о том, что ему удалось увидеть воздушную и подводную войну, совершить ряд поездок по Англии, Шотландии, побывать в Норвегии, Швеции. Однако уже в первой автобиографии писатель признается, что Англия изменила его: «...Совсем не таким я стал после Англии, где во время войны прожил около двух лет» [10, с. 3]. Англия в его сознании неразрывно связана с приобретением разного опыта – переживания Первой мировой войны, осознания себя как русского инженера и русского писателя, изучения чужой культуры: «В 1916 г. – был отправлен в Англию – для наблюдения за постройкой русских ледоколов; между прочим – мое детище один из самых крупных ледоколов „Александр Невский“ – теперь „Ленин“». «Там – строил корабли, смотрел развалины замков, слушая, как бахают бомбы с немецких цеппелинов, писал повесть „Островитяне“». <...> Как раз к октябрю, все время в спасательном поясе, с потушенными огнями, мимо немецких подлодок – я вернулся в Петербург» [10, с. 3–4]. Более подробная четвертая биография, написанная в 1928 г. для собрания сочинений писателя («Федерация», 1929), воспроизводит, казалось бы, прежнюю информацию о пребывании писателя в Англии, однако содержит существенное аналитическое наблюдение, выделяющее Англию из европейского пространства как совершенно особый феномен: «До этого на Западе был только в Германии, Берлин показался конденсированным, 80 %-ным Петербургом»⁵. В Англии другое: *в Англии все было так же ново и странно, как когда-то в Александрии, в Иерусалиме* (курсив мой. – Н. А.). Здесь – сперва железо, машины, чертежи: строил ледоколы в Глазго, Нью-Кастле, Сэндерланде, Саус-Шилдсе (между прочим, один из наших самых крупных ледоколов – „Ленин“). Немцы сыпали

⁵ Восприятие Замятиним Берлина как двойника западной столицы России предвосхищает отношение к нему представителей первой волны эмиграции. Берлин как первый «перевал» между Востоком и Западом «явился тогда своего рода хронотопом поисков новой русской идентичности» [11, с. 2].

сверху бомбы с цеппелинов и аэропланов. Я писал „Островитян“» [10, с. 11].

Сравнение Англии с Александрией и Иерусалимом может иметь две коннотации: страна, непостижимая для европоцентричного русского сознания [12], и колыбель мировой культуры. Не менее важным для характеристики Англии является ее техническое развитие: «пржекторы, ракеты Ле-Приера, разрывная пуля Брокка» [13] – все это способствовало минимизации потерь англичан в войне. Поэтому «сперва железо, машины, чертежи» – может относиться и к деятельности Замятина в Англии, и к рационально организованной английской ментальности, которую инженер Замятин воспринимал неоднозначно, не только негативно» [14, с. 242].

В связи с этим чрезвычайно важна идея А. Шейна [15], о которой в своей книге пишет О. Казнина: «Стимулом к созданию программной статьи Замятина „О литературе, революции, энтропии и прочем“ послужила статья британского физика и физиолога Франка Ива „Начало: толкование сущности солнечной энергии“». Эта статья была опубликована в английском научном журнале в мае 1923 г., а статья Замятина... датирована октябрём 1923 г. В том же году статья Ф. Ива в переводе на русский язык вышла в четвертом номере журнала „Современный Запад“ под названием „О солнечной энергии“. В кратком недописанном введении к статье подчеркивается оригинальность разрабатываемой в ней теории энтропии. Автором введения и перевода, скорее всего, был Замятин, редактировавший журнал» [9, с. 208–209]. Таким образом, идеи английского ученого повлияли на формирование теории энтропии и энергии Замятина, которую он использовал как глобальную метафору для объяснения устройства жизни и человеческого мышления. Несмотря на то что в этом представлении о мире Замятин смыкается с авангардом [16], важно, что естественно-научным источником для писателя является труд английского исследователя, идеи которого он распространяет, преобразуя для гуманитарной сферы⁶.

Как инженер, Замятин понимает, что именно английская техническая база сделает возможным появление славы русского флота – ледоколов «Ермак», «Святогор» («Красин») и «Святой Александр Невский» («Ленин») и др. Позднее, уже в эмиграции в 1932 г., в интервью Ф. Лефевру писатель будет с гордостью говорить о строительстве ледоколов в Англии и иронично сожалеть об обидах, нанесенных англичанам его повестью «Островитя-

не» [10, с. 258]. А в статье, написанной по-французски для газеты *Marianne* (4 января 1933 г.), «О моих женах, о ледоколах и о России», сравнивая «странный, трудный путь, не похожий на движение других стран», России с ледоколом и отмечая, что почти все русские ледоколы построены в Англии («так прочно и надежно строили англичане...» [10, с. 181]), автор задается риторическим вопросом: «Но все-таки – что же это?» В ответе же сказывается замятинское представление о единстве мира, об общности мировой жизни и культуры, частью которых являются и Россия, и Англия: «Да, но при ближайшем рассмотрении многое, что кажется специфически российским, оказывается импортным материалом. Даже – марксизм, родившийся, как известно, на германской территории. Даже самовары... Но фактам – грош цена: самовары все же навсегда останутся русскими» [10, с. 182].

Англия действительно повлияла на идентификацию Замятина: в определенном смысле он стал человеком мира, способным видеть мир в целом, понимая своеобразие русской ментальности и культуры. В данном случае Англия в сознании Замятина трансполируется на весь цивилизованный мир, к которому стремится принадлежать и Россия. Этот гуманистический и культуроцентрический взгляд на мир, только укрепившийся в писателе в Англии, проявился и по возвращении в Россию в оценке революционных событий. 1918–1919 гг. – время политической публицистики в творчестве Замятина⁷. В первой же появившейся в печати статье «Елизавета Английская» (газета «Новая жизнь», 11 января 1918 г.) писатель восстает против красного террора, поддерживаемого советскими газетами «Правда», «Известия» и др.⁸. Политическое лицемерие большевиков, избавляющихся от своих вчерашних соратников руками неразумных матросов, а потом цинично отдающих приказ по розыску последних, Замятин уподобляет поступку Елизаветы, казнившей свою сестру Марию Стюарт. Цитируя Шиллера, писатель квалифицирует действия новой власти как двойное злодеяние, которое ничем нельзя оправдать: «Королева Елизавета Английская подписала указ о казни Марии Стюарт. А когда донесли, что казнь совершилась, в благородном гневе – Елизавета крикнула

⁷ «Замятин обвиняет победившую власть в предательстве собственных идеалов и прежде всего идеи свободы и сосредоточивается на осмыслении свободы печати, роли искусства и литературы в новом обществе» [17, с. 35].

⁸ «Поводом к написанию послужило убийство А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина – членов ЦК партии кадетов, депутатов Государственной думы и Учредительного собрания. <...> В сознании современников это преступление напрямую связывалось с... декретом Совнаркома («О аресте вождей гражданской войны против революции» от 28 ноября 1917 г.), предусматривавшим аресты руководителей партии кадетов „как партии врагов народа“» [10, с. 290].

⁶ Вторым источником, повлиявшим на формирование философской концепции писателя, станут идеи по термодинамике немецкого ученого Р. Майера, о котором Замятин напишет очерк «Роберт Майер» (1922).

несчастному Девисону, передавшему указ для исполнения:

Бездельник! Истолковывать ты смеешь
Слова мои? Свой собственный, кровавый
В них смысл вложить? О, если приключится
Беда от твоего самоуправства, –
Ты за него заплатишься мне жизнью!

(„Мария Стюарт“ Ф. Шиллера, д. 5, явл. 14).

Хуже всего быть благородно негодующей Елизаветой Английской. Палач, просто и немудро отрубивший голову Марии Стюарт, – куда лучше великолепной Елизаветы Английской» [10, с. 22]. Замятин использует английский код для осмысления современной политической ситуации в России. Универсальный трагедийный сюжет английской культуры, опосредованный пьесой Ф. Шиллера, становится для писателя способом выражения своего отношения к российским событиям, причем в пародийном ключе.

Таким образом, в нехудожественных текстах Замятина находит свое выражение многомерное восприятие Англии: на смену негативному непосредственному впечатлению о туманном Альбионе в письмах писателя из Англии приходит понимание особого культурного и научного статуса страны в мире, неповторимости ее традиционного уклада. Временная дистанция и пореволюционные события в России существенно меняют представления Замятина об Англии, в которую он будет стремиться, находясь в парижской эмиграции⁹.

⁹ Л. Н. Замятина напишет М. А. Булгакову из Парижа 1 июня 1936 г.: «Живем – неплохо. Париж с каждой весной люблю все больше и больше. И когда Е. И. поднимает вопрос о возможном переезде в Лондон – я протестую. Расстаться с этим изумительным городом, с «прекрасной Францией» – не хочется. Но Е. И. уже давно Париж поднадоел» [18, с. 187–188].

Список литературы

1. Гольдт Р. Мнимая и истинная критика западной цивилизации в творчестве Е. И. Замятина. Наблюдения над цензурными искажениями пьесы «Атилла» // *Russian studies*. Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб.: Russian Studies, 1996. Т. II, № 2. 527 с.
2. Письма к Л. Н. Усовой // *Рукописные памятники. Рукописное наследие Е.И. Замятина*. Вып. 3, ч. 1. СПб.: Рос. нац. библиотека, 1997. 431 с.
3. Левидова И. М., Парчевская Б. М. Г. Д. Уэллс. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке 1898–1965 / под ред. Ю. В. Ковалева. М.: Книга, 1966. 166 с.
4. Английский этикет, или Как нужно вести себя у англичан. URL: <http://alltradition.ru/2010/09/anglijskij-etiket-ili-kak-nuzhno-vesti-sebya-v-gostyax-u-anglichan/> (дата обращения: 20.08.2013).
5. Наблюдая за англичанами. Разговоры о погоде. URL: http://www.anglomania.org/2011/06/blog-post_24.html (дата обращения: 20.08.2013).
6. Макинтош Ч. Р. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Charles_Rennie_Mackintosh (дата обращения: 21.08.2013).
7. Грейнджер Таун как историческое сердце Нью-Кастля. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Grey_Street,_Newcastle#Grey_Street (дата обращения 20.08.2013).
8. Письма к Я. П. Гребенщикову // Евгений Замятин и культура XX века: исследования и публикации / вступ. ст., публикация и коммент. М. Ю. Любимовой. СПб.: Изд-во Рос. нац. библиотеки, 2002. 475 с.
9. Казнина О. А. Русские в Англии. Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 1997. 417 с.
10. Замятин Е. И. Я боюсь: Литературная критика. Публицистика. Воспоминания. М.: Наследие, 1999. 359 с.
11. Тиме Г. А. Путешествие Москва – Берлин – Москва. Русский взгляд Другого (1919–1939). М.: РОССПЭН, 2011. 168 с.
12. Хатямова М. А. Модернистская поэтика орнаментального сказа в ранней прозе Е. И. Замятина // *Сиб. филол. журн.* 2006. № 3. С. 34–56.
13. Поражение дирижаблей // *Военная история*. URL: http://militera.lib.ru/h/ashmore_eb/02.html (дата обращения: 21.08.2013).
14. Чернышова О. Е. Публицистика Е. И. Замятина // *Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня*. Научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы: в XIII книгах / под ред. проф. Л. В. Поляковой. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2004. Кн. XII. 242 с.
15. Shane A. M. *The life and Works of Evgenij Zamjatin*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1968. 302 p.
16. Хатямова М. А. Концепция синтетизма Е. И. Замятина // *Вестн. Томского гос. пед. ун-та*. 2006. Вып. 6 (50). С. 38–45.
17. Хатямова М. А. *Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX века: дис. ... д-ра филол. наук*. Томск, 2008. 350 с.
18. Бузник В. В. Из переписки М. А. Булгакова с Е. И. Замятиным и Л. Н. Замятиной (1928–1936) // *Русская литература*. 1989. № 4. С. 187–188.

Аксёнова Н. В., аспирант.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050.

E-mail: polozova15@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 03.10.2013.

N. V. Aksenova

THE IMAGE OF ENGLAND IN E. ZAMYATIN'S NON-FICTION PROSE

The article deals with the E. Zamyatin's image of England and his relation to English people formed within his two-year stay in England. The writer's letters, diaries, narrative biographies and articles served as the material of this research.

Key words: *E. Zamyatin, image of England, narrative biography, journalism.*

References

1. Goldt R. Imaginary and true criticism of Western civilization in E. I. Zamyatin's works. Observations on the censorial distortions of the play "Atilla". *Russian studies*. Ezhekvartalnik Russkoy Filologii i Kultury Publ. St. Petersburg, Russian Studies, 1996. Vol. II, no. 2, 527 p. (in Russian).
2. Letters to L.N. Usova. *Hand-written manuscripts. E.I. Zamyatin's hand-written heritage*, no. 3, part 1. St. Petersburg, Russian National Library, 1997. 431 p. (in Russian).
3. Levidova I. M., Parchevskaya B. M. *H. G. Wells. A Bibliography of Russian Translations and Literature on Wells in Russian 1898–1965*. Y. V. Kovaleva. Moscow, KNIGA Publ, 1966. 166 p. (in Russian).
4. *English Etiquette or How to Behave in a Proper Way in England*. URL: <http://alltradition.ru/2010/09/anglijskij-etiket-ili-kak-nuzhno-vesti-sebja-v-gostyax-u-anglichan/> (accessed 20.08.2013) (in Russian).
5. *Observing the Englishmen. Talkings about the Weather*. URL: http://www.anglomania.org/2011/06/blog-post_24.html (accessed 20.08.2013) (in Russian).
6. *Mackintosh Charles Rennie*. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Charles_Rennie_Mackintosh (accessed 10.10.2013) (in English).
7. *Grainger Town*. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Grey_Street,_Newcastle#Grey_Street (accessed 20.08.2013) (in English).
8. Letters to J. P. Grebenshchikov. *E. Zamyatin and the Culture of XXth Century. Researches and Publications*. Introduction, Publication and Comments by M. Y. Lyubimov. St. Petersburg: Russian National Library, 2002. 475 p. (in Russian).
9. Kaznina O. A. *Russians in England. Russian Emigration in the Context of Russian-English Literary Connections in the First Part of XXth Century*. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Science, Nasledie Publ. 1997. 417 p. (in Russian).
10. Zamyatin E. I. *I'm Afraid of: Critics. Journalism. Memory*. Moscow, Nasledie Publ., 1999. 359 p. (in Russian).
11. Tieme G. A. *Travelling: Moscow – Berlin – Moscow. Another russian point of view (1919–1939)*. Moscow, ROSSPAN Publ., 2011. 168 p. (in Russian).
12. Khatyamova M.A. The Poetics of Modernism of Ornamental Narration in E. I. Zamyatin's Early Prose. *Siberian Philological Journal*, 2006, no. 3, pp. 34–56 (in Russian).
13. The Failour of Airships. *Military History*. URL: http://militera.lib.ru/h/ashmore_eb/02.html (accessed 21.08.2013) (in Russian).
14. Chernyshova O.E. E. I. Zamyatin's Journalism. *E.I. Zamyatin's Artistic Legacy: View from Today. Scientific Presentations, articles, essays, commentaries, theses*: In XIII Vol. L. V. Polyakova. Tambov, G. R. Derzhavin Publ., House of Tambov State University, 2004. Vol. XII. 242 p. (in Russian).
15. Shane A. M. *The life and Works of Evgenij Zamjatin*. Berkeley and Los Angeles, University of California Press, 1968. 302 p.
16. Khatyamova M. A. E. I. The Conception of synthetism of E. I. Zamyatin. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2005, no. 6 (50), pp. 38–45 (in Russian).
17. Khatyamova M.A. *The Forms of Literary Self-Reflection in Russian Prose in the first third of the XX th Century*. A Thesis submitted to the Tomsk State University for a Doctoral Degree in Philology. Tomsk, 2008. 350 p. (in Russian).
17. Buznik V. V. From the Correspondence Between E. I. Zamyatin and L. N. Zamyatina (1928–1936). *Russian Literature Publ.*, 1989, no. 4, pp. 187–188 (in Russian).

National Research Tomsk Polytechnic University.

Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: polozova15@rambler.ru